Статьи. Исследования

Научная статья / Original Article

«Я чувствую, что он кореец»: дискурсивные и воплощенные формы знания в исследовании этничности (когнитивный подход)

Рекомендация для цитирования:
Айтжанов С.М. (2026) «Я чувствую, что он кореец@@: дискурсивные и воплощенные формы знания в исследовании этничности (когнитивный подход). *Социология власти*, 38 (3): 138-165.
EDN: TOLMRU

For citation:
Aitzhanov S.M. (2026) "I Feel That He Is Korean": Discursive and Embodied Forms of Knowledge in Ethnicity Research (A Cognitive Approach). *Sociology of Power*, 38 (3): 138-165.

Поступила в редакцию: 16.01.2026; прошла рецензирование: 26.04.2026; принята в печать: 01.06.2026
Received: 16.01.2026; Revised: 26.04.2026; Accepted: 01.06.2026

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Санжар М. Айтжанов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

https://orcid.org/0000-0002-4863-565X

Резюме: В современной социологии этничности доминирует конструктивистская парадигма, рассматривающая этничность преимущественно как результат дискурсивных практик и ментальных классификаций. Однако такой логоцентричный подход часто игнорирует телесное и аффективное измерение этнического опыта. Статья предлагает преодолеть этот разрыв, обращаясь к перспективе воплощенного познания в рамках 4E-когнитивистики и двупроцессивной теории мышления. Теоретической рамкой исследования выступает синтез когнитивной социологии и феноменологии. Эмпирическую базу работы составили материалы качественного социологического исследования (глубинные интервью), проведенного среди представителей этнической категории коре-сарам/корейцев в Узбекистане. Анализ сфокусирован на описании сенсомоторных и перцептивных механизмов восприятия «своих» и «чужих». Исследование выявляет, что этническая категоризация часто происходит на дорефлексивном уровне. Выделены три ключевых измерения воплощенной этничности: 1) феномен «этнического радара» — интуитив-

ное, висцеральное узнавание «соплеменников» до начала вербального контакта; 2) гастрономические практики, где вкус и телесная реакция на пищу выступают маркером различий и сходств этнических категорий; 3) седиментация дискурсивных знаний о языке в автоматические сенсорное восприятие. Автор приходит к выводу, что этничность следует рассматривать не только как категорию сознания, но и как телесный навык и форму перцептивного научения. Применение оптики embodied cognition позволяет переосмыслить этничность как «воплощенную историю», укорененную в сенсомоторном опыте субъекта, что открывает новые перспективы для микросоциологического анализа.

Ключевые слова: воплощенное познание, этничность, 4E познание, когнитивная социология, этнический радар, перцептивное обучение, коре-сарам

“I Feel That He Is Korean”: Discursive and Embodied Forms of Knowledge in Ethnicity Research (A Cognitive Approach)

Sanzhar M. Aitzhanov

RANEPA; HSE University, Moscow, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-4863-565X

Abstract: The constructivist paradigm, which views ethnicity primarily as a result of discursive practices and mental classifications, currently dominates the sociology of ethnicity. However, this logocentric approach often neglects the bodily and affective dimensions of ethnic experience. This article aims to bridge this gap by adopting the perspective of embodied cognition and 4E cognitive science. The theoretical framework of the study relies on a synthesis of cognitive sociology and phenomenology. The empirical basis includes qualitative data (in-depth interviews) collected among members of the Koryo-saram/Korean ethnic category in Uzbekistan. The analysis focuses on the sensorimotor and perceptual mechanisms involved in recognizing “one’s own” and “others”. The study reveals that ethnic categorization often occurs at a pre-reflective level. Three key dimensions of embodied ethnicity are identified: 1) the “ethnic radar” phenomenon — an intuitive, visceral recognition of group members prior to verbal interaction; 2) gastronomic practices, where taste and bodily reactions to food serve as community boundary markers; 3) linguistic habitus, where the perception of audio proves more significant than semantic knowledge of the language. The author concludes that ethnicity should be conceptualized not merely as a category of consciousness, but as a bodily skill and a form of perceptual learning. Applying the optics of embodied cognition allows for rethinking ethnicity as “embodied history” rooted in the subject’s sensorimotor experience, opening new perspectives for microsociological analysis.

Keywords: embodied cognition, ethnicity, 4E cognition, cognitive sociology, ethnic radar, perceptual learning, Koryo-saram

Введение

Современные когнитивные науки переживают фундаментальную трансформацию, характеризующуюся отходом от классического картезианского дуализма и вычислительных метафор разума. Парадигма воплощенного познания (embodied cognition), а также более широкий спектр 4E-когнитивистики (embodied, embedded, enacted, extended), постулируют, что когнитивные процессы не являются изолированными операциями по обработке абстрактных символов, происходящими без сенсорной и моторной информации, а фундаментально укоренены во взаимодействии организма с окружающей средой (Eck, Turner 2019; Cerulo 2019).

Несмотря на растущее внимание к embodied cognition, в современной социологии и антропологии этничности доминирует конструктивистский подход, заложенный работами Ф. Барта (Barth 1969), где этничность понимается как результат проведения социальных границ, а не как объективная данность. Развивая эту логику, и в англоязычной (Anderson 2020), и в российской науке (Тишков 2003) акцентировали внимание на дискурсивной природе сообществ, рассматривая их как продукты воображения и интеллектуального конструирования. Даже в когнитивной социологии этничности, представленной Р. Брубейкером (Брубейкер 2012), фокус смещен на ментальные категории и схемы классификации. В рамках этой парадигмы этничность часто анализируется как «текст» или нарратив — то, что проговаривается и осознается.

Однако эмпирический материал (например, такие фразы информантов, как «я чувствую, что он кореец») указывает на существование глубокого пласта воплощенного опыта, который ускользает от классического дискурсивного анализа.

Постановка проблемы

Суть методологического разрыва заключается в инерции логоцентризма: даже современные когнитивные подходы в социологии зачастую остаются в плену «картезианского дуализма» и вычислительных метафор разума. Они подразумевают, что распознавание «своего» — это интеллектуальная операция по обработке абстрактных символов в головном мозге (DiMaggio 1997; Vaisey 2009). Такой взгляд оставляет вне поля зрения возможность того, что этничность распознается не только через эксплицитно называемые признаки, но и дорефлек-

сивно — через социально усвоенные телесные установки, включая походку, жесты и позы. В данном случае мы распространяем на этническую категоризацию более общую логику телесных техник Мосса и габитуса, или телесный гексис, Бурдье (Mauss 1973; Bourdieu 2020).

В результате возникает эффект невидимости «телесного знания». Исследовательская оптика традиционно фокусируется на интернализированном дискурсивном знании — том, что люди говорят о своей этнической категории. При этом в тени остается то, как они телесно проживают и воспроизводят ее в реальном времени. Если механизмы конструирования границ на уровне нарративов и институтов изучены достаточно подробно (Wimmer 2013; Wodak 2009; Van Dijk 1991, 1993), то механизмы их «воплощения» (embodiment) на уровне нейрофизиологии и телесных аффектов остаются «слепым пятном» социологического анализа (Wacquant 2015).

Проблема заключается не в отрицании дискурсивного знания, а в отсутствии интегральной модели, способной объединить декларативные знания с воплощенными формами опыта. Без обращения к парадигме 4E-когнитивистики понимание того, как функционируют этническая солидарность и распознавание «своих» (на примере корейского сообщества), остается неполным и лишенным сенсомоторной информации.

Цели и вопросы исследования

Таким образом, данное исследование проблематизирует недостаточность исключительно дискурсивных методов для объяснения феномена «чувства этничности» и предлагает восполнить этот пробел через оптику воплощенного познания. Для этого формулируется следующий исследовательский вопрос:

Как соотносятся и взаимодействуют декларативное знание об этничности (дискурсивные нарративы, осознанные критерии принадлежности) и недекларативное знание (телесные схемы, имплицитные навыки, аффекты) в процессе категоризации этнических различий и сходств (на примере корейского сообщества)?

Для детализации выделяется следующий частный исследовательский вопрос: Какие формы недекларативного и декларативного знания выступают ключевыми маркерами для категоризации и как эти маркеры считываются в ситуациях непосредственного взаимодействия?

Структура изложения: вначале мы обращаемся к теоретической ревизии классического конструктивизма, предлагая дополнить его инструментарием воплощенного познания (*embodied cognition*) для анализа дорефлексивных форм опыта. После описания методологии и контекста полевой работы в Узбекистане мы переходим к анали-

зу эмпирического материала. Рассмотрение кейсов организовано вокруг трех ключевых измерений телесного опыта: висцерального узнавания «своих», вкусовых (гастрономических) маркеров и телесно-языковых паттернов. Эти сюжеты позволяют продемонстрировать, как этничность, будучи когнитивной схемой, «оседает» в теле и воспроизводится на уровне автоматических реакций, ускользающих от дискурсивного контроля и анализа.

Теоретическая рамка исследования

Фундаментом для применения теории воплощенного познания к вопросам этничности служит критическая феноменология. Несмотря на то что когнитивная наука обратилась к этой проблематике позже, именно философы первыми описали, как раса структурирует само ощущение бытия в теле. В философии Мерло-Понти (Merleau-Ponty 1962, 1968) тело рассматривается не как объект среди других объектов, а как «точка отсчета» для восприятия мира: сознание есть «я могу» (I can), а не «я мыслю» (I think) (Ibid.: 82).

В когнитивистике теоретизация этого концепта была осуществлена значительно позже. В частности, Варела, Томпсон и Рош (Varela, Thompson, Rosch 1991, p. 140) переосмыслили выводы философа и обосновали, что познание и мышление исходят из взаимодействия наших тел и среды. В качестве ключевого аргумента они использовали особенности цветового восприятия. Актуальность этого подхода подтверждают и современные исследования: например, работы, посвященные феномену «того самого платья» (#TheDress), когда люди воспринимали цвета одного и того же объекта по-разному в зависимости от контекста освещения и индивидуальных особенностей зрительной системы (см.: Schlaffke et al. 2015).

Язык является одним из отражений нашего воплощенного познания. Работы Лакоффа и Джонсона (Lakoff, Johnson 1980) и других исследователей (Johnson 1989; Lakoff 2008, 2014; Lakoff, Johnson 1999; Brockman 1999) демонстрируют, как перцептивная и сенсомоторная системы определяют когнитивный контент. Ключевым механизмом в данном явлении выступает метафора, которая проецирует нейросенсорный опыт на абстрактные концепции. Таким образом, метафора позволяет использовать «сенсомоторный опыт для структурирования концептуализаций субъективного опыта и суждений» (Lakoff, Johnson 1999, pp. 555–556).

В современной когнитивной социологии часто подчеркивается роль П. Бурдье и его концепции габитуса в контексте воплощенного познания (Cerulo 2019; Lizardo 2019). Однако, как отмечает Дауни (Downey 2008), габитус зачастую лишь отсылает к телесности, но само тело не становится предметом изучения — ни в контексте физио-

логии, ни в контексте его влияния на восприятие и субъектность. Новый импульс развитию этого направления дал Л. Вакан (Wacquant 2004, 2015), который основал проект «карнальной социологии».

Основной фокус делается на трансмиссии знаний и их переходе (или отсутствии такового) из декларативных (дискурсивных) форм в недекларативные (практические, воплощенные). Для этого используются наработки когнитивной социологии в области концептуализации форм знания и их трансформации.

С. Вэйзи (Vaisey 2009), опираясь на модель Хайдта (Haidt 2001), использовал двупроцессивную модель для разграничения знания на практическое, за которое отвечает Тип 1 (автоматическая, неосознанная), и дискурсивное, за которое отвечает Тип 2 (рефлексивная, осознанная)[1]. В своей более поздней работе Вэйзи (Vaisey 2019) выделил типологию из четырех типов знания, которые формируются в ходе социализации:

A. Знание, которое начинается и продолжается как практическое.
B. Знание, которое было дискурсивным, но постепенно стало практическим.
C. Знание, которое было практическим, но субъекты пытаются его артикулировать дискурсивно.
D. Знание, которое всегда остается дискурсивным.

Эта типология ставит перед исследователем специфическую методологическую задачу. Поскольку значительная часть этнического опыта является дорефлексивной, ее невозможно зафиксировать с помощью стандартных опросов. Следовательно, дизайн исследования должен быть выстроен так, чтобы уловить моменты, когда информанты действуют интуитивно, опираясь на «чувство», а не на логику. Именно эта теоретическая необходимость обусловила выбор стратегии, описанной ниже.

Методы

1 Одной из дискуссионных тем в рамках двупроцессивной теории является вопрос терминологии: ряд исследователей выступает за замену обозначений «Система 1» и «Система 2» на «Тип 1» и «Тип 2», поскольку последние точнее отражают характер различий — речь идет не об отдельных анатомических или функциональных системах, а о типах когнитивной обработки. При этом автоматический, рефлексивный и другие процессы рассматриваются как соответствующие коррелянты этих двух типов. Определенный консенсус в литературе складывается в пользу обозначений «Тип 1» и «Тип 2» как более нейтральных и концептуально корректных (см., напр.: Evans, Stanovich 2013).

В когнитивной социологии ведутся довольно оживленные дебаты относительно наиболее релевантного метода сбора данных. С. Вэйзи (Vaisey 2009, pp. 1688–1689) считает опросы наилучшим инструментом для сбора автоматических, недискурсивных форм знания, потому что они требуют быстрого ответа, то есть минимальных когнитивных нагрузок. Джеролмак и Хан (Jerolmack, Khan 2014) также критикуют вербальные методы, однако не считают эффективными и опросы, отдавая предпочтение этнографии и включенному наблюдению.

Тем не менее существуют и аргументы в пользу использования интервью. Так, Э. Пью (Pugh 2013) утверждает, что Вэйзи (Vaisey 2009) и Мартин (Martin 2010) ошибочно полагают, будто дискурс может выдавать только оправдания (justifications). Это справедливо лишь для части информации, которую можно получить из интервью, особенно глубинных. О. Лизардо (Lizardo 2019) также отмечает, что интервью могут быть, например, отличным методом для фиксации «мягкого воплощения» (soft embodiment (Leung, Cohen 2007)), в то время как наблюдение и этнография лучше фиксируют «жесткую воплощенность» (hard embodiment (Cohen, Yeung 2009)).

Опираясь на эту аргументацию, в данном исследовании применялось сочетание методов сбора данных. Примечательно, что изначально в дизайн не входило целенаправленное изучение телесности, однако значимость воплощенных форм познания стала очевидной уже в ходе первых полевых этапов. Этот факт эмпирически подтвердил, что глубинное интервью способно фиксировать не только дискурсивные установки, но и следы телесного опыта.

На начальном этапе исследования автор, будучи заложником логоцентризма, стремился выявить преимущественно дискурсивные формы знания. Цель состояла в поиске своего рода «описательной инструкции»: как именно информанты навигируют в этнических классификациях и по каким индикаторам относят человека к той или иной категории. Однако выясняя, какие классификации присутствуют в нарративах, уже на самых первых полевых этапах исследователь столкнулся с проблемой: люди зачастую не могут объяснить свои способы категоризации (подробнее этот феномен будет проанализирован в разделе «Результаты»). В ходе рефлексии над этим полевым опытом автор сместил исследовательский фокус: переход от фиксации исключительно дискурсивных форм к анализу практического знания.

Полевой этап исследования проходил в период с 15 февраля по 1 марта 2025 года. Всего было проведено 24 интервью с участием 31 информанта в Ташкенте и Ташкентской области (Узбекистан). Выборка включала 15 индивидуальных, 5 парных и 3 групповых интервью. Продолжительность бесед варьировалась от 21 минуты

до 110 минут (средняя длительность — 56 минут). Гендерное распределение выборки: 42% мужчин (N = 13) и 58% женщин (N = 18). Средний возраст информантов составил 31,5 года, что сопоставимо со средним возрастом городского населения Узбекистана (30,5 года).

Формирование выборки основывалось на комбинированной стратегии рекрутинга. С одной стороны, использовался целенаправленный поиск информантов через социальные сети с предварительной договоренностью. С другой стороны, часть выборки была сформирована методом «снежного кома» и спонтанных знакомств в общественных пространствах.

Рекрутинг in situ (на месте) проводился в локациях с высокой концентрацией представителей сообщества: в корейских образовательных учреждениях (университеты Seojung, Inha) и евангелических церквях. Критерием отбора выступала не «объективная» (реифицированная) принадлежность, а самоидентификация: использование информантом категории «кореец» в качестве первичной.

В ситуациях спонтанных интервью первичный отбор осуществлялся на основе публичной самопрезентации: исследователь считывал визуальные и контекстуальные атрибуты (внешность, имя, использование языка) как индикаторы категории «кореец». Впоследствии этот внешний скрининг верифицировался: потенциальный информант либо подтверждал свою идентификацию с данной категорией, либо опровергал ее.

Все интервью записывались на диктофон с предварительного согласия информантов. Транскрибирование аудиозаписей осуществлялось с использованием инструмента автоматического распознавания речи OpenAI Whisper, после чего полученные тексты проходили ручную проверку и корректировку для обеспечения точности и соответствия оригинальной речи.

Участие в исследовании было добровольным, информанты имели возможность отказаться от беседы на любом этапе. При публикации цитат соблюдался принцип полной анонимности: все имена и биографические детали, позволяющие идентифицировать респондентов, были изменены. Процедура исследования соответствовала этическим стандартам проведения полевых работ в социальных науках.

Анализ данных проводился методом кодирования, ориентированным на выявление двух типов когнитивных процессов:

A. Коды Тип 1: эмоциональные маркеры («чувствую», «тянет»), описания телесных реакций, автоматические суждения.
B. Коды Тип 2: нормативные утверждения («корейцы должны...»), ссылки на дискурсивные формы знания, логические обоснования категоризации.

Несмотря на выбранную стратегию триангуляции, данное исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Во-первых, географические и контекстуальные границы. Полевая работа проводилась исключительно в Ташкенте и Ташкентской области. Урбанизированная среда мегаполиса формирует специфический тип «космополитичного» габитуса, который может отличаться от телесных практик коресарам, проживающих в сельской местности или в других регионах Центральной Азии (например, в Казахстане).

Во-вторых, эпистемологическая сложность вербализации телесного опыта. Центральная проблема исследования заключается в попытке перевести недекларативное знание в дискурсивный формат научного текста. Несмотря на использование техник, стимулирующих рефлексию, существует неизбежный зазор (gap) между тем, что информант чувствует телесно, и тем, как он может это описать. Мы вынуждены полагаться на языковые метафоры информантов, которые являются лишь вторичным отражением их первичного сенсомоторного опыта.

В-третьих, интерпретативная роль исследователя. В методологии включенного наблюдения инструментом фиксации данных выступает тело и восприятие самого социолога/антрополога. Интерпретация чужих жестов, взглядов и телесных реакций неизбежно проходит через призму собственного габитуса исследователя. Учитывая внешнюю позицию автора к изучаемому сообществу, существует риск как «слепоты к привычному» (когда свои культурные нормы кажутся естественными и не замечаются), так и проекции собственных ощущений на информантов. Для минимизации этого искажения использовалась перекрестная проверка данных через интервью.

Таким образом, выбранный методологический подход, сочетающий феноменологические интервью и наблюдение за телесными практиками, позволяет преодолеть ограничения классического логоцентризма. Несмотря на описанные выше лимиты, данный дизайн позволяет ответить на исследовательские вопросы о том, как взаимодействуют дискурсивные и воплощенные формы знания в процессе категоризации этничности. В следующей главе представлен анализ полученных эмпирических данных.

Результаты

Примат перцепции: феномен «Этнического Радара»

Одним из самых устойчивых мотивов в интервью является спо-

собность мгновенно, без вербального контакта, отличить местного корейца от южнокорейца (хангука), китайца или казаха. Респонденты называют это «интуицией», «чувством» или «просто знанием» (iTash001, iTash002, iTash020, iTash023[1]). Стоит уточнить, что мы не говорим об «истинности» или «точности» данного «радара», скорее, мы говорим о существовании такого феномена в целом.

Наиболее ярко доминирование воплощенного знания над дискурсивным проявляется в ситуациях, когда информанты пытаются вербализовать маркеры различения «своих» (местных коре-сарам) и «чужих» (южнокорейских экспатов). Характерной чертой этих нарративов становится невозможность подобрать слова для описания имеющегося телесного, сенсомоторного опыта.

Показателен фрагмент интервью с информантом (мужчина, 30 лет), который уверенно заявляет о способности различать категории, но испытывает когнитивные трудности при попытке объяснить алгоритм этого различения:

> *Информант:* …Я вот не знаю, как это передать словами. Наверное, как-то (на уровне) интуиции, скорее всего. Потому что вот если… Я увижу, допустим, вот южного корейца и вот нашего местного. И вот они, допустим, будут одеты одинаково. Но я как-то все равно пойму, где южный, а где наш.
> *Интервьюер:* Ага. А мне может это как-то помочь? Как ты думаешь, как мне тогда определить?
> *Информант:* Блин. Ну скорее всего, опять-таки, возможно, это будет что-то в стиле одежды. Скорее всего… Потому что здесь я встречал южнокорейцев… там стиль одежды, опять-таки. То есть там можно уже понять (iTash020, мужчина, 30 лет).

Однако механизм воплощенного распознавания не является универсальным. Наиболее показательным здесь является различение местных корейцев и казахов. В следующем фрагменте информант признает «сбой» визуального сканирования и описывает переключение на дискурсивный алгоритм проверки:

> *Информант:* Ну кстати, вот тоже иногда, допустим, некоторые корейцы реально похожи на казахов. Тяжело отличить. Только по имени. По имени. Если там его зовут Влад, то по-любому он «корейский», а не казах.
> *Интервьюер:* То есть если видишь (и сомневаешься), спрашиваешь имя?
> *Информант:* Да. Если сомневаешься, допустим, он кореец или казах, то спроси, как зовут. Если у него русское имя, то он кореец. Если казахское, там Олжас… Ну конечно, казах (iTash020, мужчина, 30 лет).

1 iTash020: i — информант, номер обозначает порядковый номер информанта, где 1 — первый информант.

Кейс ясно очерчивает границы применимости практического знания. Когда внешность оказывается амбивалентной, субъект вынужден обращаться к символической системе классификации. Имя здесь выступает как жесткий дискурсивный маркер, снимающий неопределенность.

Примечательно, что описанная выше «слепота» интуиции возникает преимущественно в отношении казахов, но практически не случается при идентификации южнокорейских экспатов. Информанты заявляют, что узнают «хангуков» (южан) мгновенно и безошибочно, однако природа этого узнавания остается для них когнитивно непрозрачной. Если в случае с казахами информанты могут четко назвать критерий верификации (имя), то в случае с южнокорейцами они оказываются в интерпретативном тупике. Попытки рационализации сводятся к неустойчивым аргументам (например, «одежда»), которые тут же самими информантами подвергаются сомнению («даже если одеты одинаково»).

На данном этапе исследования механизм остается неясным, на каких телесных и интеракционных признаках основываются столь уверенные суждения информантов об этнической принадлежности других людей[1]. Мы фиксируем здесь разрыв в объяснительной модели: существует некий сильный невербальный сигнал или их комплекс, который позволяет мгновенно отделить местного корейца от южного, но этот сигнал настолько глубоко «вшит» в автоматическое восприятие (Тип 1), что не поддается ни рефлексии носителей, ни фиксации в рамках проведенных интервью. Этот феномен требует дальнейшего изучения, возможно, с применением методов видеоанализа или экспериментов по айтрекингу (eye-tracking).

В пользу этой интерпретации свидетельствует эпизод, зафиксированный уже после завершения формального интервью, на этапе перехода к включенному наблюдению. Тот же информант уверенно категоризировал группу прохожих как южнокорейцев, опираясь исключительно на сенсомоторное восприятие.

> *Информант:* Я чувствую, что он кореец, вот просто знаю.
> *Исследователь:* А как ты это понял?

1 В рамках настоящего исследования точность подобных суждений специально не проверялась. Поэтому приведенные высказывания свидетельствуют прежде всего о субъективной уверенности информантов и о воспринимаемой ими самоочевидности этнических различий, но не позволяют заключить, насколько успешно они действительно определяют этническую принадлежность других людей.

> *Информант:* Я не могу выразить словами, вот я просто чувствую это и все (включенное наблюдение iTash020, мужчина, 30 лет).

Однако последующая верификация показала ошибочность этого суждения. В ходе проверки (исследователь вступил в коммуникацию с объектами наблюдения) выяснилось, что это были этнические китайцы (ханьцы). Гипотеза о том, что это могли быть «корейцы из Китая» (чосонджок), также была опровергнута самими субъектами.

Данный ложноположительный результат тем не менее не опровергает наличие самого механизма воплощенного познания, а, напротив, подсвечивает его природу. Для когнитивной социологии здесь важна не фактическая истинность суждения («угадал/не угадал»), а его модальность: информант переживал абсолютную уверенность («просто знаю»), не имея возможности дискурсивно обосновать ее критерии. Это классический пример того, что Вэйзи (Vaisey 2019) относит к первому типу знаний: знание, которое начинается как практическое и остается таковым. Оно непрозрачно для субъекта и функционирует как «черный ящик»: на входе поступает визуальный сигнал, на выходе — готовое ощущение «свой/чужой», даже если сам сигнал был интерпретирован ошибочно.

Анализ всего массива интервью выявляет устойчивый паттерн. Речь идет о систематической неспособности информантов дискурсивно обосновать свои суждения о категоризации других людей. Эта когнитивная схема воспроизводится в большинстве интервью по одному сценарию:

> Мгновенная категоризация: Субъект уверенно утверждает этническую принадлежность другого («Он точно кореец»).
> Попытка рефлексии: Исследователь задает вопрос «Почему?».
> Дискурсивный сбой: Субъект сталкивается с отсутствием аргументов и завершает реплику фразой-маркером: «Я не знаю (почему), просто вижу»: «Ну вот смотришь — и сразу понятно. А почему понятно… ну не знаю я, как объяснить. Просто кореец и все» (iTash012, женщина, 45 лет).

С точки зрения двухпроцессной теории повторяющееся в ответах информантов «я не знаю» можно интерпретировать не просто как отсутствие знания, а как указание на ограниченную доступность оснований категоризации для сознательной рефлексии. Иными словами, суждение уже сформировано, однако информанты не могут эксплицировать признаки, на которых оно основывается. Такой разрыв между уверенностью в категоризации и невозможностью вербализовать ее критерии согласуется с предположением о преобладающей роли автоматических и дорефлексивных процессов Типа 1. В этом смысле этничность функционирует в данном сообще-

стве не только как набор эксплицитных представлений и правил, но и как практическое чувство, укорененное в непосредственном восприятии.

Этнизация практики: гастрономический Габитус (Практическое → Дискурсивное)

До сих пор речь шла преимущественно о том, как дорефлексивное практическое знание участвует в категоризации других людей. Однако тот же разрыв между непосредственным восприятием и его последующей вербализацией обнаруживается, когда информанты интерпретируют собственные телесные привычки. В этом случае объектом категоризации становится уже не другой человек, а собственный опыт: телесное ощущение возникает как самоочевидное, а его связь с этничностью устанавливается ретроспективно, в процессе объяснения.

Особый пласт практического знания обнаруживается в сфере гастрономических предпочтений. Однако анализ интервью показывает, что связь еды и этничности здесь выстроена не «сверху вниз» (от культуры к привычкам), а «снизу вверх» (от соматической потребности к социальной категории). Информанты описывают свои пищевые практики не как следование традиции, а как перцептивную необходимость. Речь идет о специфических сенсорных ощущениях (жжение от острого перца, текстура риса, запах ферментации), без которых организм сигнализирует о «незавершенности» приема пищи:

> Я могу есть борщ, плов, все что угодно. Но если я два дня не ем острое или рис, я становлюсь нервным. Желудок как будто пустой. Мне нужно просто «зажечь» рот, чтобы почувствовать, что я поел. Это не я решаю, это организм требует (iTash007, мужчина, 28 лет).

В данном случае первичен именно висцеральный импульс (Тип 1) — биохимическая потребность тела в определенной стимуляции. Этничность же («я люблю это, потому что я кореец») выступает здесь как вторичная дискурсивная надстройка (Тип 2). Дискурс задним числом «захватывает» и концептуализирует эти физиологические ощущения, придавая им статус маркера этнической категории.

Таким образом, механизм воспроизводства этничности работает здесь на уровне метаболизма: тело «обучается» определенному химическому балансу раньше, чем субъект осознает себя частью этнической категории, продолжая воспроизводить границу «свой/чужой» на уровне базовых физиологических реакций (насыщение/отторжение).

Примечательно, что эта граница описывается не через рецептурные различия или ингредиентный состав, а через соматические ощущения — то, как пища воспринимается и ощущается телом. Данную дихотомию иллюстрирует фрагмент интервью с 17-летней информанткой. Несмотря на активное изучение корейского языка и потребление южнокорейского медиаконтента, на уровне вкусового восприятия респондент фиксирует значимый разрыв:

> *Информант:* …наша еда, она такая, более приземленная.
> *Интервьюер:* А в Южной Корее?
> *Информант:* Ну в Южной Корее она специфическая, то есть более соленая там… сладкая, точнее. Сладкая, горькая (iTash001, женщина, 17 лет).

В приведенном нарративе прослеживаются два ключевых аспекта практического познания. Во-первых, информант использует метафору «приземленности» для описания локальной традиции. В контексте теории воплощенного познания это указывает на чувство телесной опоры: еда коре-сарам воспринимается как «база» — сытная, понятная и дающая энергию. Это своего рода «знание желудка», когда тело считывает вкус как безопасный и «родной».

Во-вторых, наблюдается явное отторжение «сладкого». Характеристика южнокорейской кухни как избыточно сладкой выступает классическим маркером границы для коре-сарам. Описывая вкус как «сладкий, горький», информант вербализует сенсорный диссонанс. Интуитивная часть мышления (Тип 1) ожидает знакомый стимул, но сталкивается с неожиданным раздражителем — характерной для Южной Кореи сладостью в мясных блюдах или соусах. Тело маркирует этот вкус как «неправильный», несмотря на то что дискурсивно информант осознает его аутентичность для Корейского полуострова.

Таким образом, данный пример демонстрирует переход двух типов знания. Дискурсивное знание (Тип 2) утверждает этническое объяснение уже сформированного практического знания (Тип 1) о вкусе еды.

Помимо сенсорного различения «своего» и «чужого» вкуса, гастрономический габитус включает в себя конкретные телесные навыки (bodily skills), обеспечивающие чувство онтологической безопасности. В интервью один из информантов (мужчина, 28 лет) формулирует своеобразную формулу этнической устойчивости: «Потому что, если ты умеешь, грубо говоря, делать салат из морковки и варить рис, то ты выживешь где угодно». В этой фразе рис (паби) и морковь по-корейски (морковча) выступают не как деликатесы, а как минимальный экзистенциальный набор. Способность

приготовить их трактуется как базовый навык выживания, равный умению плавать или ходить. Показательно, что это знание инкорпорируется в очень раннем возрасте: «...с лет 12, наверное, начиная уже умел готовить морковчу, пуктяй, такого рода вещи...»

Упоминание пуктяя (традиционного супа из ферментированной соевой пасты тяй с резким запахом) здесь особенно важно. Пуктяй является своего рода лакмусовой бумажкой для «своих»: его специфический аромат и вкус часто отпугивают неподготовленных людей, но для носителя практического опыта он является маркером домашнего уюта и нормированности. Молодые информанты часто используют именно это слово — «база»:

> Мне кажется, все корейцы одну и ту же еду в принципе едят, потому что база — вот эта то, что типа кимчи делается... еще у нас это база, любой суп с паби (рис) есть (iTash005, мужчина, 19 лет).

Таким образом, этничность коре-сарам воспроизводится ежедневно через рутинные телесные практики: приготовление риса, ферментацию овощей и потребление специфических соевых продуктов. Это знание является дорефлексивным: руки «помнят», как резать морковь, а перцептивная система «знает», что суп без риса — это не еда, даже если субъект не может объяснить историю происхождения этих блюд.

Седиментация знания: языковая автоматизация (Дискурсивное → Практическое)

Отдельную категорию представляет собой способность к перцептивному различению языков[1], которая демонстрирует динамику перехода знания из теоретического (дискурсивного) в практическое состояние (Тип Б по типологии С. Вэйзи). В отличие от гастрономических привычек, которые изначально формируются телесно, языковое различие между, например, корейским и китайским языками часто усваивается через дискурсивное обучение. Однако на определенном этапе это усвоенное знание реализуется автоматически.

1 Под перцептивным различением языков здесь понимается способность распознавать или различать их по особенностям звучащей речи, не обязательно понимая ее содержание или владея соответствующим языком. В психолингвистических исследованиях показано, что такая категоризация может опираться на надсегментные и временные характеристики речи, включая ее темп, ритмическую организацию, соотношение длительностей и финальное замедление (Ramus, Mehler 1999; White, Mattys, Wiget 2012).

Рассмотрим кейс информанта, который изучает литературный корейский язык (сеульский идиом) и при этом «знает», как звучит китайский язык. Изначально это знание было набором правил (Тип 2). Но по мере накопления опыта эти правила «осели» (sedimented) и превратились в интуитивный фильтр восприятия. Теперь, слыша речь людей, информант не производит лингвистический анализ в уме, а испытывает мгновенное ощущение «инаковости»:

> Сразу же видно, когда человек говорит на китайском, а когда на корейском. Ну эти же языки совершенно не похожи. Я сам знаю корейский язык, вот китайский — он же такой «ш-экающий», много «ши», «ша» (включенное наблюдение, кафе, мужчина, 35 лет).

В этом описании информант апеллирует к фоносемантической текстуре звука. Фраза «сразу же видно» (синестезия: слышу, но говорю «видно») указывает на мгновенную работу Тип 1. Особый интерес представляет использование звукоподражания («ши», «ша»). Информант не анализирует лингвистическую структуру китайского языка, а воспроизводит его через мимесис[1] — телесную имитацию звучания. Для его «настроенного» на русскую и корейскую фонетику слуха (габитуса), обилие шипящих звуков в китайском языке выступает как сенсорный маркер «чуждости». Это подтверждает, что различия проходят не только по смыслам слов, но и по самому физическому звучанию речи, которое тело воспринимает как «свое» (родное/понятное) или «чужое» (шумное/шипящее).

При этом важно подчеркнуть, что знание о языке «Другого» в данном случае может быть не только теоретическим, но и сугубо практическим. Пример с мимесисом китайской речи («ши-ша») иллюстрирует, как субъект формирует представление о лингвистической границе через непосредственный опыт взаимодействия с китайским языком, либо же дискурсивное знание, когда информанту объяснили, как звучит китайский язык. Информант не обращается к правилам фонетики, а использует артикуляционную моторику, чтобы воспроизвести звуковую текстуру чужого языка. Через этот акт подражания (разыгрывание «китайского звучания» своим телом) происходит опривычивание знания: «чужое» фиксируется не как абстрактная категория, а как специфическое мышеч-

1 П. Бурдье (Bourdieu 1990) определяет «практический мимезис» как усвоение телесных схем на дорефлексивном уровне, противопоставляя его сознательной имитации. О. Лизардо (Lizardo 2007, 2009) предлагает нейрокогнитивное обоснование этого процесса через механизм зеркальных нейронов, позволяющий соматическому знанию транслироваться от субъекта к субъекту через наблюдение, минуя дискурсивную обработку.

ное усилие и акустический образ. Таким образом, даже не владея китайским языком дискурсивно, информант обладает практическим знанием о нем — знанием того, как он «ощущается» на слух и «имитируется» при генерации речи.

Для сравнения обратимся к кейсу внешнего наблюдателя, не обладающего данным интериоризированным знанием. В ходе включенного наблюдения в кафе была зафиксирована реакция официанта (не корейца) на речь посетителей. Для него звучание корейского и китайского языков оказалось феноменологически тождественным. Субъект оказался «глух» к фонетическим различиям, которые для носителя габитуса являются очевидными. И корейская, и китайская речь воспринимались им одинаково — как абстрактный «непонятный язык». Это свидетельствует о том, что у него отсутствует дифференцированная когнитивная схема в Тип 1, способная подать сигнал о конкретной категоризации. Его перцептивная система фиксирует лишь общую «инаковость» — факт того, что язык не является русским или узбекским, но не способна провести границу внутри этой инаковости. Это приводит к тому, что люди, говорящие на китайском языке, могут категоризироваться как корейцы.

Таким образом, способность интуитивно отличать «наш» язык от «их» языка служит ярким примером когнитивной седиментации (оседания знания). Дискурсивные представления о корейском языке, полученные в школах, из учебников или от родителей (знание о том, что разные идиомы обладают специфическими звуковыми формами), со временем трансформируются в устойчивую телесную компетенцию — слуховой автоматизм. В результате этнические различия начинают проходить не через ментальное знание словаря, а через мгновенную аудиальную реакцию узнавания или отторжения, которая срабатывает быстрее, чем субъект успевает провести сознательный анализ.

Вместе с тем знание о языке может носить сугубо практический характер. Кейс с мимесисом (звукоподражанием) наглядно иллюстрирует, как через непосредственный телесный опыт субъект конструирует знание о китайском языке.

Рефлексивный поворот: тело исследователя как объект категоризации

Важным эмпирическим результатом исследования стала категоризация самого автора, чья этническая принадлежность (казах) подвергалась систематическому пересмотру со стороны информантов. В ходе полевой работы исследователь сам превратился в объект применения тех когнитивных схем распознавания «свой/чужой», которые были описаны выше. Изначально данная категоризация

могла интерпретироваться как post-hoc рационализация (Тип 2): информанты, узнав о теме исследования, логически выводили этничность автора («раз изучает корейцев — значит, сам кореец»). Однако анализ спонтанных интеракций, где контекст исследования еще не был известен, показывает первичность именно фенотипического/визуального восприятия (Тип 1).

Показателен случай, когда информанты сначала классифицировали исследователя как иностранца (южнокорейца), и только услышав русскую речь, интуитивно определили статус до «российского корейца», но не до казаха.

> Мы вообще думали, вы хангук (южнокореец). Я еще [имя] сказал: смотри, хангук стоит. А потом вы подошли, начали говорить на русском — и я сразу подумал, что вы кореец из России... (iTash004, мужчина, 19 лет).

Интересно проследить динамику данной категоризации. Изначально сработал механизм визуального считывания: телесный облик[1] исследователя был идентифицирован как «чужой» (южнокорейский). Однако в момент начала коммуникации произошла мгновенная когнитивная перекалибровка. Русская речь исследователя выступила здесь не просто как инструмент передачи информации, а как аудиальный маркер, который вступил в сложное взаимодействие с визуальным рядом. На уровне процессов Типа 1 информанта был произведен новый синтез: внешность, определенная ранее как «нездешняя», в сочетании с беглым русским языком была перекодирована в категорию «российский кореец». Это доказывает, что процесс распознавания не является статичным актом, а представляет собой непрерывную петлю обратной связи: поступающие сенсорные данные (звук голоса) способны «перезаписать» первичное визуальное впечатление, классифицируя новую социальную категорию. Наиболее интересен феномен сопротивления самоидентификации. Даже когда исследователь прямо заявляет: «Я казах», информанты отказываются принимать эту дискурсивную позицию, так как она противоречит их интуитивному визуальному опыту. В одном случае информант пытается найти компромисс между тем, что он видит (корейские черты), и тем, что он слышит (казахская идентичность), предполагая смешанное происхождение:

1 Под телесным обликом понимается максимально широкий набор возможных стимулов, от одежды до сенсомоторных особенностей.

> *Информант:* ...у вас первый вопрос тоже какой был: «А вы кто по нации?», да... Потому что мне стало интересно, потому что тоже есть раскосость глаз, может быть, я думаю, какая-то часть корейца, если из этого вы эту тему выбрали (iTash003, мужчина, 42 года).

В другом случае информанты фокусируются на деталях лица, проводя своеобразную физиогномическую экспертизу:

> *Информант:* А вы сами какой национальности? Что-то у вас корейское есть, кажется. По бровям особенно.
> *Исследователь:* Нет, я вообще не [кореец].
> *Информант:* Вообще?
> *Информант 2:* А, да? (iTash027 и iTash028, женщины, 19 и 21 год)

Кульминацией этого недоверия к словам становится диалог, где информант присваивает себе право знать «правду» о происхождении исследователя лучше, чем он сам. Визуальная перцепция («не похож на чистого») перевешивает знание семейной истории:

> *Информант:* Вы, по-моему, не чистый казах.
> *Исследователь:* Я чистый казах, да. А похож?
> *Информант:* Это вы так говорите, но вы не знаете, кто у вас в роду был. Может, у бабушки был кто-то... Ну на совсем чистого казаха не похожи, больше похожи на метиса (чагубя) (iTash021, женщина, 65 лет).

В этом отрывке ярко проявляется концепция «народной генетики» (folk genetics). Информант использует категорию чагубя (метис), чтобы устранить когнитивный диссонанс. Для нее телесная очевидность («вижу, что не чистый») обладает большим эпистемическим весом, чем вербальное отрицание. Это создает новое поле: в повседневной классификации воплощенное знание (то, что я чувствую) может вступать в противоречие с дискурсивным (то, что мне говорят и я слышу). Этот фрагмент указывает на отдельное направление, требующее дальнейшего изучения.

Дискурсивные анклавы: нарратив без практики

В противовес воплощенному знанию, существуют зоны этнического опыта, которые остаются сугубо дискурсивными (Тип 2). Это знание, которое функционирует как набор внешних описаний или мифов, не интериоризируемых телом. Мы определяем эти зоны как «дискурсивные анклавы» — области, где этническая принадлежность конструируется исключительно вербально, часто вступая в противоречие с реальным сенсомоторным опытом.

Ярким примером дискурсивного конструирования является представление информантов о природе собственного диалекта. В ходе групповых интервью фиксируется устойчивый нарратив о том, что язык коре-сарам якобы является «северным» (северокорейским). Примечательно, что это убеждение основано не на аудиальном сравнении (информанты, как правило, никогда не слышали реальную речь граждан КНДР), а на вербальной трансляции семейного предания.

> *Информант 1 (iTash030):* Ну конечно, они (южнокорейцы) не поймут наш язык. Он у нас же северный, мы как северные говорим... *Информант 2 (iTash029):* Кто тебе сказал, что мы как северные? *Информант 1:* Мне всю жизнь так говорили, мы же с Севера... я их не встречал, но мне говорили, что мы на северном говорим (iTash029 и iTash030, мужчины, 36 и 44 года).

В данном случае мы видим пример «знания понаслышке». Убеждение «мы говорим как северяне» является чисто ментальной конструкцией, усвоенной через слова («мне говорили»). У информанта отсутствует аудиальный габитус различения северных диалектов (Тип 1), но присутствует сильная дискурсивная установка (Тип 2), которая накладывает этот ярлык на его речь. Это «фантомная» категоризация корейского, которая существует только в пространстве разговоров о языке, но сталкивается с проблемами при критическом вопросе собеседника.

Дополнительным значимым дискурсивным анклавом является «языковой императив». В нарративах информантов часто присутствует жесткая нормативная установка: владение корейским языком декларируется как обязательное условие легитимной идентичности. Согласно этому дискурсу, субъект, не говорящий на языке, является «неполноценным» или «ненастоящим» корейцем. Однако анализ интервью выявляет фундаментальное противоречие между этой декларацией и реальной практикой категоризации. Информантка утверждает, что при знакомстве всегда обращает внимание на знание языка, и если человек им не владеет, она «не считает его корейцем». Однако в том же интервью, описывая свой социальный круг (родственников, друзей), она уверенно маркирует их как корейцев, несмотря на то что они не говорят по-корейски.

Когда исследователь указывает на это противоречие (когнитивный диссонанс), информант прибегает к стратегии рационализации. Она пытается сконструировать ad hoc (ситуативное) объяснение, утверждая, что для «наших» корейцев язык не важен, так как они обладают некой «примордиальной» или генетической чистотой, которая перекрывает языковой дефицит. Это объяснение выглядит как типичное post-hoc оправдание:

1. Дискурсивно (на словах): корейский язык — это главный маркер.
2. Практически (в жизни): язык игнорируется, работают иные стимулы.
3. Результат: языковое требование существует исключительно как дискурсивное знание.

Этнографические наблюдения подтверждают этот вывод: те самые информанты, которые активно распространяли дискурс о необходимости знания корейского языка, в реальных ситуациях взаимодействия в кафе или на улице никогда не использовали языковой тест для проверки этничности местных корейцев. Они распознавали «своих» мгновенно и молча (Тип 1), а самый важный, по их мнению, элемент — корейский язык — не использовался.

Выводы

Данное исследование ставило перед собой цель ответить на вопрос о том, как соотносятся и взаимодействуют декларативное (дискурсивное) и недекларативное (воплощенное) знание в процессе конструирования этничности. Анализ эмпирических данных позволяет заключить, что это взаимодействие не является статичным, а представляет собой динамическую иерархию, реализующуюся через четыре ключевых механизма (см. Рисунок 1).

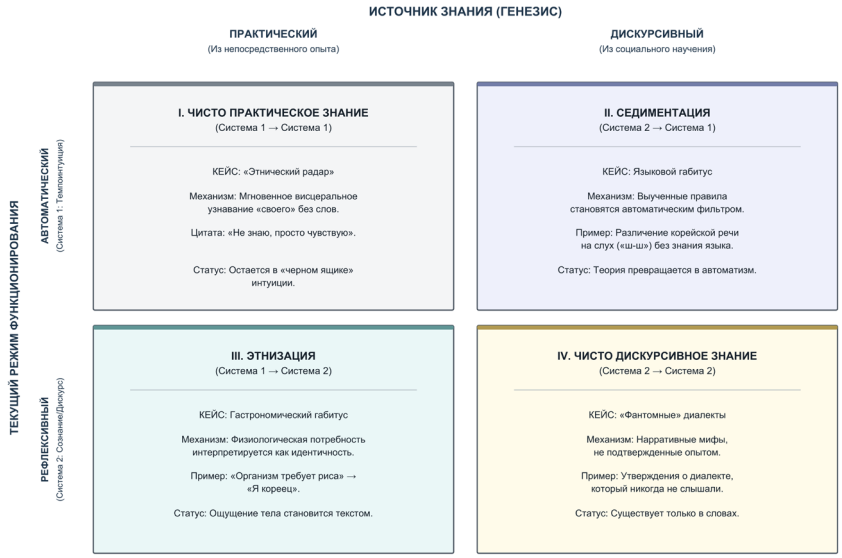

Рисунок 1

Типология знания об этничности[1]
A Typology of Knowledge about Ethnicity
[Место рисунка]

Во-первых, в ситуациях непосредственной категоризации («свой/чужой») недекларативное знание (Тип 1) выступает первичным оператором, а декларативное (Тип 2) — вторичным инструментом обоснования. Исследование выявило систематическую временную задержку: перцептивное распознавание через габитус и микромоторику происходит мгновенно, тогда как дискурсивное объяснение конструируется post-hoc. В этом типе взаимодействия дискурс не управляет восприятием, а лишь обслуживает его, часто создавая фиктивные объяснения интуитивным реакциям.

Взаимодействие двух типов знания носит циклический характер, обеспечивая взаимный переход информации из одной формы в другую:

a. Седиментация (D → ND): Декларативное знание переходит в практическое. Языковые нормы и правила различения (например, знание о структуре корейского языка), изначально усвоенные дискурсивно, со временем «оседают» в теле, превращаясь в автоматические схемы аудиального восприятия и мимесиса.
b. Этнизация (ND → D): Практическое знание переходит в дискурсивное. Висцеральные потребности и вкусовые привычки (потребность в остром, текстура риса), изначально являющиеся соматической перцепцией, «захватываются» дискурсом и маркируются как «этнические» маркеры, создавая плотную сеть культурных классификаций.

Во-вторых, в ситуациях конфликта между двумя типами знания (когнитивного диссонанса) недекларативное знание вступает в противоречие с декларативными. Кейсы с категоризацией исследователя показали, что визуальная интуиция и концепции «народной генетики» способны подавлять и замещать вербальную самоидентификацию. Если дискурсивное заявление («я казах») противоречит воплощенному опыту наблюдателя («вижу корейца»), субъект вступает в противоречие между первым и вторым источником информации.

В-третьих, исследование также выявило зоны, где взаимодействие между дискурсивным и практическим знанием нарушается, образуя «дискурсивные анклавы». В таких случаях этничность поддерживается преимущественно нарративами — например, представлениями о диалекте или нормативными требованиями

1 Данная визуализация основана на типологии С. Вэйзи (Vaisey 2019) и применена к специфическим эмпирическим находкам о знаниях об этничности среди информантов корейцев/коре-сарам Ташкента.

к языку, — которые не получают непосредственного подкрепления в опыте. Как показал анализ, подобные декларативные конструкции сохраняют символическую и нормативную значимость, однако обладают ограниченной способностью направлять реальные практики взаимодействия: информанты допускают исключения, трактуют соответствующие признаки как необязательные или ситуативно отступают от провозглашаемых требований.

Таким образом, ответ на исследовательский вопрос заключается в следующем: этничность функционирует как двупроцессивная модель, где базовую навигацию в социальном пространстве обеспечивает воплощенное знание (Тип 1), а дискурсивное знание (Тип 2) выполняет функцию интерпретатора и маркера, но теряет свою управляющую роль в ситуациях реального взаимодействия.

Дискуссия

Результаты данного исследования демонстрируют эвристический потенциал применения парадигмы 4E-когнитивистики (embodied cognition) к изучению этничности. В то время как конструктивистская традиция и классическая культурная социология фокусировались преимущественно на дискурсивных и классификационных аспектах, наш анализ позволяет сместить фокус на телесные и нейрокогнитивные основания социальной категоризации.

В диалоге с теорией Брубейкера (Брубейкер 2012), предлагающего рассматривать этничность как специфический «способ видения» мира, наше исследование вносит существенное уточнение. Этничность — это не только ментальная схема или «линза» (когнитивная оптика), но и специфическая «настройка» тела (сенсомоторная настройка). Описанные информантами реакции непривычности или отторжения чужой пищи или мгновенное считывание «своих» показывают, что когнитивные схемы этничности инкорпорированы глубже уровня сознательных суждений — в нейронные связи, отвечающие за сенсомоторное восприятие. Это позволяет говорить о том, что этнические различия обладают не только символической, но и аффективно-соматической частью, которую сложно преодолеть исключительно дискурсивными средствами.

Использование модели двойного процесса (Тип 1/Тип 2) позволило нам «распаковать» классическое понятие габитуса Пьера Бурдье (Bourdieu 2020). Мы обнаружили, что взаимодействие между уровнями не всегда гармонично; часто возникают ситуации рассогласования, когда дискурсивное сознание (Тип 2) декларирует одно,

а автоматическая когнитивная обработка (Тип 1) выдает реакцию отторжения. Именно в этих разрывах открывается пространство для анализа реальной, а не декларируемой этничности. Это подтверждает риск «ошибки отношения» в социологических опросах, которые могут фиксировать лишь нормативные рационализации, упуская биологически укорененные драйверы поведения (Jerolmack, Khan 2014).

При этом важно отметить, что современные интерпретации двупроцессивной теории отходят от жесткого детерминизма (Vila-Henninger, Antonio 2015; Evans, Stanovich 2013; De Neys 2012, 2018; Kahneman, Klein 2009). Наши данные подтверждают наличие механизмов метакогнитивного мониторинга: субъекты не являются пассивными заложниками своих интуиций. Зафиксированные случаи, когда информанты подвергают сомнению сигналы своего «этнического радара», чувствуют, что свой, но предполагают, что это знание требует проверки, указывают на способность Типа 2 выступать в роли внутреннего критика. Это возвращает субъекту агентность: он способен рефлексировать над надежностью своих интуитивных схем, создавая зазор между импульсом и суждением.

Наконец, выводы о «телесном знании» открывают пространство для междисциплинарного диалога с нейронауками, в частности, в рамках становящейся нейроантропологии (Lende, Downey 2012; Damasio, Sutherland 1994). Описанный информантами феномен мгновенного распознавания гипотетически коррелирует с активностью лимбической системы (прежде всего амигдалы), опережающей сознательную обработку в неокортексе и лобных долях (Phelps et al. 2000; Cunningham et al. 2004). Для верификации этих процессов перспективным представляется использование айтрекинга (eye-tracking) и методов нейровизуализации (fMRI, ERP) (Ito, Urland 2003). Если качественные методы позволили зафиксировать сам факт интуитивного узнавания, то инструментальные методы позволили бы точно установить, на какие визуальные маркеры (разрез глаз, конфигурация лица) фиксируется взгляд за те миллисекунды, которые недоступны интроспекции, и как культурный опыт модулирует эти паттерны (Blais et al. 2008; Kelly et al. 2005). Такой синтез позволил бы перейти от метафор «телесного знания» к точному описанию механизмов этнической навигации.

Ограничения данного исследования связаны с городским контекстом Ташкента, где высокая плотность контактов может стимулировать развитие специфических когнитивных адаптаций, отличных от сельской среды. Дальнейшее изучение требует расширения методологического инструментария для интеграции экспериментальных метрик в когнитивную социологию.

Финансирование / Founding

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС. Исследование выполнено без финансовой поддержки со стороны НИУ ВШЭ.

This article was prepared as part of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). The study was conducted without financial support from HSE University.

Список источников / References

Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. Издательский дом Высшей школы экономики.

— Brubaker R. (2012) *Этничность без групп*. Moscow: HSE Publishing House. (in Russ.)

Тишков В. А. (2003) *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. Наука. EDN: RAOEBN

— Tishkov V. A. (2003) *Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology*. Moscow: Nauka. (in Russ.)

Anderson B. (2020) Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. In *The new social theory reader* (pp. 282–288). Routledge.

Barth F. (1969) Introduction. In F. Barth (Ed.), *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference* (pp. 9–38). Universitetsforlaget.

Blais C., Jack R. E., Scheepers C., Fiset D., Caldara R. (2008) Culture shapes how we look at faces. *PLoS ONE*, 3(8), e3022. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0003022

Bourdieu P. (1990) *The logic of practice*. Stanford University Press. https://doi.org/10.1515/9781503621749

Bourdieu P. (2020) Outline of a theory of practice. In *The new social theory reader* (pp. 80–86). Routledge.

Brockman J. (1999) "Philosophy in the flesh": A talk with George Lakoff. *The Third Culture*. http://edge.org/3rd_culture/lakoff/lakoff_p1.html

Cerulo K. A. (2019) Embodied cognition: Sociology's role in bridging mind, brain, and body. In W. H. Brekhus & G. Ignatow (Eds.), *The Oxford handbook of cognitive sociology* (pp. 81–100). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.5

Cohen D., Leung A. K. Y. (2009) The hard embodiment of culture. *European Journal of Social Psychology*, 39(7), pp. 1278–1289. https://doi.org/10.1002/ejsp.671

Cunningham W. A., Johnson M. K., Raye C. L., Gatenby J. C., Gore J. C., Banaji M. R. (2004) Separable neural components in the processing of Black and White faces. *Psychological Science*, 15(12), pp. 806–813. https://doi.org/10.1111/j.0956-7976.2004.00760.x

Damasio A. R. (1994) *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. Putnam.

De Neys W. (2012) Bias and conflict: A case for logical intuitions. *Perspectives on Psychological Science*, 7(1), pp. 28–38. https://doi.org/10.1177/1745691611429354

De Neys W. (Ed.). (2018) *Dual process theory 2.0*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315204550

DiMaggio P. (1997) Culture and cognition. *Annual Review of Sociology*, 23, pp. 263–287. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263

Downey G. (2008) Beyond Bourdieu's "body": Giving too much credit? *Neuroanthropology*.

Eck D., Turner S. (2019) Cognitive science and social theory. In W. H. Brekhus & G. Ignatow (Eds.), *The Oxford handbook of cognitive sociology* (pp. 153–172). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.9

Evans J. S. B. T., Stanovich K. E. (2013) Dual-process theories of higher cognition: Advancing the debate. *Perspectives on Psychological Science*, 8(3), pp. 223–241. https://doi.org/10.1177/1745691612460685

Haidt J. (2001) The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*, 108(4), pp. 814–834. https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.4.814

Ito T. A., Urland G. R. (2003) Race and gender on the brain: Electrocortical measures of attention to the race and gender of multiply categorizable individuals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 85(4), pp. 616–626. https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.4.616

Jerolmack C., Khan S. (2014) Talk is cheap: Ethnography and the attitudinal fallacy. *Sociological Methods & Research*, 43(2), pp. 178–209. https://doi.org/10.1177/0049124114523396

Johnson M. (1989) Embodied knowledge. *Curriculum Inquiry*, 19(4), pp. 361–377. https://doi.org/10.1080/03626784.1989.11075338

Kahneman D., Klein G. (2009) Conditions for intuitive expertise: A failure to disagree. *American Psychologist*, 64(6), pp. 515–526. https://doi.org/10.1037/a0016755

Kelly D. J., Quinn P. C., Slater A. M., Lee K., Gibson A., Smith M., Ge L., Pascalis O. (2005) Three-month-olds, but not newborns, prefer own-race faces. *Developmental Science*, 8(6), F31–F36. https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2005.0434a.x

Lakoff G. (2008) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226471013.001.0001

Lakoff G. (2014) *The all new don't think of an elephant!: Know your values and frame the debate*. Chelsea Green Publishing.

Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors we live by*. University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001

Lakoff G., Johnson M. (1999) *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. Basic Books.

Lende D. H., Downey G. (Eds.). (2012) *The encultured brain: An introduction to neuroanthropology*. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/9219.001.0001

Leung A. K. Y., Cohen D. (2007) The soft embodiment of culture: Camera angles and motion through time and space. *Psychological Science*, 18(9), pp. 824–830. https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01986.x

Lizardo O. (2007) Mirror neurons, collective objects and the problem of transmission: Reconsidering Stephen Turner's critique of practice theory. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 37(3), pp. 319–350. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2007.00340.x

Lizardo O. (2009) Is a "special psychology" of practice possible? From values and attitudes to embodied dispositions. *Theory & Psychology*, 19(6), pp. 713–727. https://doi.org/10.1177/0959354309345891

Lizardo O. (2019) Pierre Bourdieu as cognitive sociologist. In W. H. Brekhus & G. Ignatow (Eds.), *The Oxford handbook of cognitive sociology* (pp. 65–80). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.4

Martin J. L. (2010) Life's a beach but you're an ant, and other unwelcome news for the sociology of culture. *Poetics*, 38(2), pp. 229–244. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.004

Mauss M. (1973) Techniques of the body. *Economy and Society*, 2(1), pp. 70–88. https://doi.org/10.1080/03085147300000003

Merleau-Ponty M. (1962) *Phenomenology of perception*. Routledge & Kegan Paul.

Merleau-Ponty M. (1968) *The visible and the invisible*. Northwestern University Press.

Phelps E. A., O'Connor K. J., Cunningham W. A., Funayama E. S., Gatenby J. C., Gore J. C., Banaji M. R. (2000) Performance on indirect measures of race evaluation predicts amygdala activation. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 12(5), pp. 729–738. https://doi.org/10.1162/089892900562552

Pugh A. J. (2013) What good are interviews for thinking about culture? Demystifying interpretive analysis. *American Journal of Cultural Sociology*, 1(1), pp. 42–68. https://doi.org/10.1057/ajcs.2012.4

Ramus F., Mehler J. (1999) Language identification with suprasegmental cues: A study based on speech resynthesis. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 105(1), pp. 512–521. https://doi.org/10.1121/1.424522

Schlaffke L., Golisch A., Haag L. M., Lenz M., Heba S., Lissek S., Schmidt-Wilcke T., Eysel U. T., Tegenthoff M. (2015) The brain's dress code: How The Dress allows to decode the neuronal pathway of an optical illusion. *Cortex*, 73, pp. 271–275. https://doi.org/10.1016/j.cortex.2015.08.017

Vaisey S. (2009) Motivation and justification: A dual-process model of culture in action. *American Journal of Sociology*, 114(6), pp. 1675–1715. https://doi.org/10.1086/597179

Vaisey S., Frye M. (2019) The old one-two: Preserving analytical dualism in cognitive sociology. In W. H. Brekhus & G. Ignatow (Eds.), *The Oxford handbook of cognitive sociology* (pp. 101–114). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.6

Van Dijk T. A. (1987) *Communicating racism: Ethnic prejudice in thought and talk*. Sage Publications.

Van Dijk T. A. (1993) *Elite discourse and racism* (Vol. 6). Sage. https://doi.org/10.4135/9781483326184

Varela F. J., Thompson E., Rosch E. (1991).*The embodied mind: Cognitive science and human experience*. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/6730.001.0001

Vila-Henninger L. A. (2015) Toward defining the causal role of consciousness: Using models of memory and moral judgment from cognitive neuroscience to expand the sociological dual-process model. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 45(2), pp. 238–260. https://doi.org/10.1111/jtsb.12068

Wacquant L. (2004) *Body and soul: Notebooks of an apprentice boxer*. Oxford University

Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780195168358.001.0001

Wacquant L. (2015) For a sociology of flesh and blood. *Qualitative Sociology*, 38(1), 1–11. https://doi.org/10.1007/s11133-014-9291-y

White L., Mattys S. L., Wiget L. (2012) Language categorization by adults is based on sensitivity to durational cues, not rhythm class. *Journal of Memory and Language*, 66(4), pp. 665–679. https://doi.org/10.1016/j.jml.2011.12.010

Wimmer A. (2013) *Ethnic boundary making: Institutions, power, networks*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199927371.001.0001

Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. (2009) *The discursive construction of national identity* (2nd ed.). Edinburgh University Press. https://doi.org/10.1515/9780748637355

Об авторе / About the author

Айтжанов Санжар Мылтыкбаевич — сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. Аспирант школы по социологическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация. Научные интересы: социология этничности, когнитивная социология, воплощенное познание, миграционные исследования.

https://orcid.org/0000-0002-4863-565X. E-mail: sanzarajtzanov1@gmail.com

Sanzhar M. Aitzhanov — Researcher, Center for Regional Research and Urban Studies, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. PhD Student, Doctoral School of Sociology, HSE University, Moscow, Russian Federation. Research interests: sociology of ethnicity, cognitive sociology, embodied cognition, migration studies.

https://orcid.org/0000-0002-4863-565X. E-mail: sanzarajtzanov1@gmail.com